

Три дня до летнего солнцестояния

Часто утверждают, мол, из странствий возвращается уже не тот человек, что когда-то покинул дом. Полученные в поучительном путешествии новые чувства меняют само восприятие страннику. Родные края и стены кажутся иными и открывают взору всё то, что прятали прежде.

Как бы там ни было, для Коловрата это чувство новизны прошло через полтора дня. Теперь вместо начальника делегации он вернулся к своей прежней должности — советника первого ранга.

В обширном здании храма Забот церкви Тефлиоса велись службы рода несколько иного, чем в прочих духовных заведениях. Жрецы, спешно пересекавшие широкие коридоры с высокими потолками, несли более приземлённую службу — на их совести были решения практически обо всех житейских вопросах управления священным городом Гелиоградом.

В одном из залов собраний в этот день решался вопрос о расформировании двух войсковых отделений. За последние тридцать лет те так ни разу и не понадобились ни для охраны города и прилегающих земель, ни для разведки или каких-либо иных целей. Коловрат не служил в храме Забот, однако решавшийся вопрос затрагивал также вопросы дипломатии, а посему ему надлежало присутствовать на заседании.

Он выступал однозначно «за». Не только от того, что сокращение числа войск благоприятно сказалось бы на отношениях с ближайшими соседями. Было в его желании распустить солдат и офицеров что-то личное. Чем старше он становился, тем более неприятны ему были вояки. Со злорадным торжеством думал он о том, как все эти бездельники с праздных тренировок да церковных харчей уйдут в шахты, копать металл для нужд города.

Решение о расформировании было предварительно одобрено, окончательный вердикт было решено вынести на следующем заседании.

Коловрат не понял, в какой момент он оказался совсем один в коридоре, ведь выходил из зала он вместе с большим количеством жрецов. Но те, стоило немного помедлить, уже разбежались сквозь незаметные маленькие дверцы по потайным ходам.

За углом, возле большого окна с массивными наличниками столпилась небольшая компания молодых жриц, со смехом перебивая друг дружку обсуждавших очевидно не рабочие вопросы. Однако едва они завидели Коловрата, резко воцарилась тишина. Среди красных сарафанов прошелестело вполголоса неуютное приветствие.

Несколько лет назад, только приступив к службе, Коловрат наивно полагал, что неизменное молчание со стороны священнослужителей рангом ниже происходило от большого уважения к его персоне. Чуть позже он со стыдом и ужасом обнаружил, что с другими высокопоставленными дипломатами и жрецами те же служащие смеялись и заискивали.

И сейчас он ясно осознавал, что почтительно потупленные к полу глаза юных жриц внимательно следят, когда же он, наконец, уйдёт. К собственному удивлению, Коловрат уж давно привык к чувству, что ему мало кто рад на службе.

Лишь на пару мгновений он остановился, чтобы поглядеть на жриц. Те стояли плотно друг к дружке, некоторые подхватив подругу под руку — их единство казалось почти осязаемой субстанцией, влитой меж ними гранитом.

— Со скорым праздником вас. — Со вздохом произнёс Коловрат. Он попытался поднять руку в приветственном жесте, но резкая боль заставила его остановиться.

— Благодарим, ан советник!

— И Вас с грядущим солнцестоянием!

— Всего Вам хорошего.

Ответы их были какими-то пугливыми и не в меру скорыми.

Коловрата ядовито кольнула зависть. Хотелось бы и ему стать одной из этих девиц без вычурного родства, окружить себя весёлыми подругами и за глаза посмеиваться над балбесом, который назло высоким чинам попал на престижный пост через младшего брата.

Оказавшись на улице, он столкнулся с Мореной. Лицо её было понуро, губы неловко поджаты.

— Здравствуйте, ан Коловрат. — Приблизившись, она скромно кивнула ему.

— И тебе хорошего дня. Чем обязан?

— Вы просили доложить, коли станет известно что-то о пропаже Фимы из Флипсии. — По виду матери паяцев было ясно, что хороших новостей у неё нет. — Вы, должно быть, слышали про недавний пожар?

— Да. Кажется, какая-то гостиница горела?

— Нет, это был «Сизый мак». И там в день пропажи видели и самого Фиму.

— В этом притоне? Кто доложил? — Коловрат отвёл взгляд, стараясь не поморщиться от боли в обожжённой руке.

— Посетители. Свидетельства их, конечно, размытые, все были нетрезвые в тот момент, однако их число позволяет принять это на веру.

Коловрат внимательно посмотрел на Морену. Фиму, как певчего, разумеется, было несложно заметить, но не доложил ли кто Морене, что с флипсианцем был ещё некий высокопоставленный гость?

— И что же? Не выбрался из огня?

— Неизвестно. Однако после пожара его более не видели.

— Вот как. — Негромко сказал Коловрат.

— Мне жаль... Вы ведь хотели назначить его своим помощником?

— Да. — С нетерпеливым вздохом ответил он, всем своим видом показывая, что хотел бы поскорее закончить этот разговор.

— Ещё раз примите соболезнования. — Морена, желавшая было о чём-то расспросить Коловрата, неловко осеклась, увидев тяжёлый взгляд, и рассудила, что лучше будет оставить его наедине со скорбью и болью. — Он теперь в вечном свете.

Получив необходимые донесения, Коловрат пошёл дальше. Его не покидало чувство, что нужно переделать уйму дел, хотя от него теперь требовалось только дожидаться нужного дня.

Он с лёгкостью догадался, о чём его хотела спросить Морена — какой чёрт дёрнул его назначать своим помощником чужеземца, который ничего не смыслит в дипломатическом ремесле и плох даже в простом разговоре? Но в этом и было преимущество Фимы. Коловрат был убеждён, что ближе всех к себе нужно держать того, кому некуда уйти. Единственная верность, которой можно доверять — это безысходность.

В тихом небогатом квартале Гелиограда, куда направлялся Коловрат, жили в основном пожилые люди, устававшие от шумного движения в центре, кои однако по каким-то своим причинам должны были оставаться в священном городе. Среди похожих друг на друга небольших деревянных домов притаился один, отличавшийся лишь тем, что соседи не смогли бы рассказать, кто же в нём живёт. Изредка и внезапно его посещали разные люди, но различить, кто из них был владельцем, было сложно.

Именно в этот дом Коловрат украдкой, убедившись, что вокруг никого нет, и вошёл. Дом был до того небольшим, что в нём не было даже сеней — с порога люди попадали сразу же в светлицу. Убранство её было скромным: круглый стол, деревянная лавка, несколько полок, прибитых на стену. За столом обнаружился и единственный жилец дома на данный момент — голова его покоилась на столешнице, с подложенной под неё ладонью.

Коловрат не стал его будить, сел у другого края стола и стал вслушиваться в тишину. Глядя на макушку спящего, он всё больше отдавался неприятным сомнениям. Коловрата душила странная смесь злости, бессилия, жалости и чего-то, похожего на совесть. Он легко отдавался переживаниям, хотя и корил себя за такую слабость. Однако на этот раз его тревожные мысли взяли контроль ненадолго — их прервал крик проснувшегося.

— Вы? Ох, я... извините. — Сконфуженно подобрался Фима, когда прошёл первый испуг от внезапно появившегося в доме человека.

— Вечер добрый. — Сказал Коловрат. — Лекарь приходил?

Большая часть народа, бывшего в «Сизом маке», выбрались без всяких проблем. Однако Коловрат, не желавший поймать на себе лишние глаза, заранее разузнал о расположении чёрного хода. Именно через него он и потащил Фиму, когда притон загорелся. Проблема была лишь в том, что пришлось преодолеть заполненный дымом узкий коридор, когда на потолочные перекрытия уже перекинулось пламя. Прямо на их пути упала горящая балка — так огонь оставил след, растянувшийся от лица до правого плеча Фимы. Коловрату повезло больше — он лишь слегка подпалил руку, что было легко скрыть за длинным рукавом.

— Да. Он приходил, но затем сразу почти уходил! — Пожаловался Фима.

Коловрат не смог сдержать усталой усмешки — надо же, так недоволен, что ему с его увечьем не уделили должного внимания.

— Видать, раны не такие серьёзные. — Попытался приободрить его Коловрат.

— Если бы не серьёзные, я бы мог бы на улицу. — Обиженно ответил Фима.

Принудительное заточение в лечебных целях было инициативой Коловрата, которую нанятому лекарю пришлось связать с отравлением дымом, чтобы хоть как-то объяснить причины такого решения расстроенному флипсианцу.

Стараясь подавить в себе сочувствие и вину, Коловрат рассматривал ожог на правой щеке Фимы — как и давнишний фингал, он смотрелся безобразным ярким пятном на белом несчастном лице. Всё в тех же лечебных целях Фиме была выдана дорогая батистовая рубашка вместо его одежд, прошедших слишком много вёрст вместе с ним. Надеть обновку, впрочем, он мог только на одно плечо, так как второе было капитально перевязано, и ан лекарь настрого запретил к этой конструкции прикасаться.

— Да полно тебе! Не в тюрьму же заточили. Через неделю будешь здоров и свободен. — Коловрат пытался говорить с теплотой, взгляд же он отвёл куда-то в угол светлицы. — А покуда расскажу тебе явление любопытное. Видал хозяина в «Сизом маке»?

— Да.

— И каков он собой?

— Я только далеко видал.

— И все прочие только издалека видали. А когда стали из пожара ана Живко вытаскивать, так только тело мёртвое да иссохшее на свет извлекли. И до того оно застарелое, что, зная, уж пару лет, как свет покинул. — Коловрат не любил пересказывать известия и сплетни да и чувствовал себя неважным рассказчиком. Однако дело его требовало проявить словоохотливость и умение располагать к себе. — Что за сила его заставляла подниматься как живого, неизвестно.

— Так ведь они храм Аферии были. — Фима на время отошёл от своей печали и с тихим интересом выслушивал новости Коловрата, стараясь правильно разобрать и понять его слова. — Она и могла... делать не мёртвым.

— Афоберия здесь точно ни при чём. Смерть очень важна для неё, и позволять кому-то идти против природы... в её церкви это невозможно. А жена мертвеца, как вывели её из пожарища, упала на землю и зарыдала в голос. Битый час её сдвинуть с места и успокоить не могли. Видать, больше не встанет покойничек её, раз это место чёртово сгорело.

— Как жаль. — Фима широко распахнул глаза и покачал головой, лицо его просветлело от вовлечённого сочувствия. — Гина Журавушка делала так любезно! Хотя не платила мне в конце. — Он уязвлённо поджал губы.

— Тут уж не до оплаты. — Ответил Коловрат. — Живой остался, и на том спасибо. Играть-то хоть можешь?

— Если лафина на колени. — С сомнением ответил Фима. — Неудобно. Разниц нет, всё равно я на солнцестояние не смогу.

— Тебе оно отчего так понадобилось? Уже в наши праздники местные вник?

— Нет, я ничто не вник. — Разочарованно ответил Фима. — Просто посмотреть, это большое событие. Я никогда... в такие события не ходит. Да ещё... оно раз же... редко! — в его голосе слабое негодование принимало совсем отчаянные нотки. Бедняга хотел высказаться, но не мог, и оттого приходил в ещё большее расстройство.

— Ничего не поделаться. Мы закатим собственное торжество. А коли ты играть можешь, так совсем ничем отличаться от общего праздника не будет, верно?

— Мы? Вы не идёте на со всеми?

— Нет. Мне столпления не по нраву. Да и делать мне там нечего.

— Вы... сюда придёте?

— Совсем перестал язык понимать? — снисходительно поглядел на него Коловрат. — Моё слово, приду сюда, а на площадь не пойду. Чего я там не видел?

Фима притих, робко пряча взгляд. По его вечно несчастному лицу было трудно понять, когда он обрадован — в такие моменты глаза его смотрели скорее удивлённо. Он прикусил губу, то ли пытаясь обдумать сложившееся положение, то ли вспоминая местные выражения, необходимые ему.

— Отдыхай, — Коловрат поднялся из-за стола, собираясь уходить, — и, главное, ни шагу на улицу. Если что-то понадобится, сообщи через лекаря.

— Ан, Коловрат! — Фима попытался укутаться в рубашку и скрыть обнажённые части тела, но в волнении у него ничего не вышло. Он также вскочил с лавки, запнулся, едва не перекувыркнувшись через стол и подошёл к Коловрату. — Спасибо за время, которое даёте мне. И остальное! — здоровой рукой Фима судорожно обнял его за шею.

— Да ничего. — Растерянно ответил Коловрат, не решаясь скрепить объятия в ответ. — Рано ещё благодарить.